

На стр. 63 авторы пишут, что в XI в. функции квестора в качестве составителя императорских грамот переходят к протасикриту — однако последний исполнял эти функции подчас и в X в.⁶ Дело в том, что византийская канцелярия, по всей видимости, не знала той четкости разделения обязанностей, какую предполагают авторы: протасикрит и квестор действовали попеременно в одной и той же роли.

И наконец, последнее замечание. Мне думается, что в книге о дипломатике нельзя было обойтись без раздела о значении императорских грамот как исторического источника. Сами авторы не вовсе чуждаются этой тематике: например, на стр. 47, в примеч. 3 упомянуто, что преамбулы к императорским актам служили целям пропаганды — но такая случайно брошенная фраза не заменяет, конечно, характеристики памятника (и его отдельных частей) по существу. Что мы можем и чего не можем ждать от грамот, подписанных василевсами, — это вопрос первостепенной важности.

А. К.

P. KNOX. STUDIEN ZU ALBERT VON AACHEN.

Der erste Kreuzzug in der deutschen Chronistik. Stuttgart, 1966, 223 S.

Монография П. Кноха, основанная на его диссертации, защищенной в Боннском университете в 1965 г., посвящена изучению одной из известнейших и вместе с тем сомнительных в смысле достоверности хроник Первого Крестового похода: «Иерусалимской истории» лотарингского каноника конца XI — первой половины XII в. Альберта Аахенского. Длительная дискуссия историков прошлого столетия об авторской принадлежности и характере содержания этого сочинения не решила поставленных проблем. П. Кнох взялся заново изучить «Иерусалимскую историю», чтобы найти удовлетворительный ответ на главный вопрос: является ли хроника Альберта пестрым смешением рыцарских преданий (как то полагал Г. Зибель) или в основе своей она написана участником похода и в целом адекватно отражает события (что доказывали Б. Куглер и его последователи)?

Тематически и по своей структуре монография П. Кноха распадается на две части: в первых трех главах содержится источниковедческий разбор хроники, в трех последующих — анализ ее идейной направленности и методов обработки хронистом материала. Важнейшие положения и выводы резюмируются в обширном заключении (стр. 147—151).

В отличие от своих предшественников, П. Кнох исследовал все доступные ему рукописи хроники; в числе 14 обнаруженных им манускриптов 4 выявлены впервые самим Кнохом в Ватиканском и Лондонском архивах (стр. 14). Историк датирует рукописи, классифицирует их, устанавливает генетические взаимосвязи между ними и, что самое главное, сопоставляет (по выборочным признакам) текст манускриптов. Таким путем он определяет гомогенность наличных рукописных вариантов хроники Альберта, которая, по всей видимости, дошла до нас в единственной редакции. Опираясь на этот вывод, Кнох пересмотрел соотношение «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского и «Истории деяний в заморских землях» Гийома Тирского — двух памятников, на протяжении столетий признававшихся важнейшими источниками по истории Крестовых походов и Франкского Востока (2-я глава и экскурс, дающий контаминацию параллельных текстов обеих хроник, стр. 152—211). Решительно разойдясь с прежними представлениями, он признал, что в описании Иерусалимского похода Гийом Тирский и Альберт Аахенский полностью независимы друг от друга (стр. 39 сл.), тогда как со времени Г. Зибеля считалось, будто Гийом Тирский, излагая ход событий крестоносного предприятия конца XI в., переписывал (с поправками) хронику Альберта.

Применив метод последовательного сопоставления материала обоих памятников (исследователь привлекает и другие источники начала XII в., в том числе «Алексиаду» Анны Комниной), П. Кнох твердо обосновал гипотезу, выдвинутую еще Б. Куглером: согласно предположению последнего, Альберт Аахенский переработал какую-то навсегда утерянную впоследствии хронику хорошо осведомленного лотарингского участника событий. Кнох по-новому подошел к решению вопроса и сопоставлением хроник Альберта Аахенского и Гийома Тирского убедительно доказал наличие у них общего первоисточника (стр. 41 сл., 53 сл.). Он определил тематические и хронологические границы этого «протографа», его содержание, объем, происхождение и время составления, во многом уточнив догадки Куглера, а во многом сделав совершенно иные выводы. Так, вопреки мнению этого ученого, Кнох существенно сузил рамки предполагаемой лотарингской первоосновы Альбертовой «Истории»: в этом памятнике был описан только самый Крестовый поход, т. е. «протографу» соответствуют лишь

⁶ См., например: *N. G. Svoronos. La Synopsis major des Basiliques. Paris, 1964, p. 22. Ср.: F. Dölger. Byzantinische Diplomatik, S. 63, но в рецензируемой книге это наблюдение опущено.*

первые шесть книг «Иерусалимской истории», а отнюдь не все это сочинение (такого взгляда придерживался Куглер).

С большой полнотой и наблюдательностью Кнох собрал скудные известия «Иерусалимской истории», характеризующие личность Альберта Аахенского и источники его сведений (3-я глава). Он привел неоспоримые доказательства лотарингского происхождения автора упомянутого «протографа» хроники (стр. 69 сл.), высказал ряд остроумных соображений как о времени возникновения этого канувшего в вечность сочинения, так и самой «Иерусалимской истории» Альберта (стр. 82—84, 88—90).

В противоположность Г. Зибелю, ученый, к сожалению, лишь бегло касается вопроса о влиянии на хронику рыцарского эпоса (стр. 71 сл.). Непосредственные оценки, встречающиеся у Альберта, он объясняет непосредственностью хрониста, который был лишь собирателем фактов, не умевшим систематически подчинять их «панегирической программе» своего повествования (стр. 78—79).

С нашей точки зрения, это объяснение недостаточно убедительно: ведь и «unreflektierte Arbeitsweise», и несоответствие между «unreflektierten Referat und tendenziösen Umgestaltung» (стр. 79), сами по себе верно подмеченные Кнохом у Альберта Аахенского, не составляют, однако, особенностью одной только его хроники¹; да и реальное число «рефлектирующих элементов» в рассказе аахенца, по нашим подсчетам, по крайней мере, вдвое больше, чем полагает историк (стр. 79). В дополнение к приводимым им можно отметить, например, объяснение в хронике неисчерпаемости казны византийского императора²; обстоятельство, побуждавших мусульман воздерживаться от разрушения иерусалимского храма³; причин оскудения рыцарей и князей во время пребывания крестоносного войска в Антиохии (1098 г.)⁴. Вообще представление о приерженности хрониста к фактам не исчерпывает сложности вопроса, ибо, как это признает и сам Кнох, в «Иерусалимской истории» налицо все же определенная политическая тенденция, которую хронист проводит весьма настойчиво.

Хотя источниковедческий раздел исследования Кноха чрезвычайно ценен, все-таки здесь развиваются воззрения, в том или ином виде уже высказывавшиеся ранее.

Целиком оригинальным и представляющим особый интерес является второй раздел книги, где дается анализ идейного содержания хроники Альберта Аахенского или, по определению Кноха, «литературных намерений» этого автора (стр. 91). Попытка изучить средневековую хронику в плане уяснения ее идейно-политических установок не составляет чего-либо нового в современной историографии: стремление понять идейное содержание нарративных памятников той эпохи характерно для многих медиевистических работ наших дней⁵. Любопытны, однако, своеобразные приемы, применяемые Кнохом для выявления идей, которые, по его мнению, определяют политический облик хрониста и освещение им событий Первого Крестового похода. Так, в 4-й и 5-й главах работы анализируются этнонимика Альберта Аахенского и других хронистов (употребление в их повествованиях таких этнонимических терминов, как «франки», «галлы», «тевтоны» и пр.), в результате чего аргументированно подтверждается лотарингское происхождение «Иерусалимской истории» и четко вскрываются политические истоки идейной программы ее автора. Как показывает Кнох, основу ее образуют два представления: Крестовый поход на Восток и достигнутые в нем победы — это заслуга прежде всего немецкого рыцарства; главную роль в предприятии сыграл «немецкий» предводитель воинства Христова — герцог Готфрид Бульонский (стр. 91).

В этой части книги собраны многочисленные доказательства пронемецкой направленности «Иерусалимской истории»: идейная база хроники — *interpretatio theutonica* Крестового похода 1096—1099 гг. Кнох далек от какого бы то ни было панегиризма в отношении Альберта Аахенского и его концепции — он резко отмежевывается от великогерманского шовинизма, свойственного Куглеру и его сторонникам. Со всей научной добросовестностью Кнох выявляет тенденциозность освещения Альбертом событий 1096—1099 гг., например, «смещение пропорций» при описании состава крестоносной армии, оказывающейся под пером хрониста преимущественно немецкой (стр. 117, 124), его стремление выпятить мнимые заслуги немецких рыцарей в отвоевании св. Земли (стр. 117 сл.) и т. п. Хронист, по словам Кноха, «вводит в заблуждение своих читателей», создавая «фикцию великого немецкого участия» в крестовом походе (стр. 125).

Ниспровержением этой «фикции» является в особенности 6-я глава монографии, где раскрывается апологетика хрониста, ставящего в центр повествования идеализи-

¹ См. об этом подробно: М. А. Заборов. Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI—XIII веков). М., 1966, стр. 269—300.

² См.: *Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana*. — RHC, t. IV. Paris, 1879, p. 311.

³ *Ibid.*, p. 481.

⁴ *Ibid.*, p. 427.

⁵ См.: О. Л. Вайнштейн. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964, стр. 56—57.

рованный образ Готфрида Бульонского (стр. 135 сл.). Путем сопоставления известий Альберта Аахенского с сообщениями очевидцев и установления внутренних противоречий в самой «Иерусалимской истории» доказывается фактическая несостоятельность панегирического изображения лотарингским хронистом деяний этого военачальника: Альбертом, как полагает историк, руководили его «национальные пристрастия», прежде всего «лотарингский патриотизм» (стр. 119).

Скрупулезно выявляя эти национальные пристрастия хрониста (стр. 116 сл.), Кнох подкрепляет свои выводы данными, почерпнутыми в повествованиях его соотечественников (Иоанна Вюрцбургского и др.), у которых он обнаруживает аналогичные тенденции. Усилиями этих хронистов, включая самого Альберта Аахенского, «интернациональному» поначалу мифу о Готфриде Бульонском, возникшему вскоре после его кончины (1100 г.), был придан протемецкий характер; герцог лотарингский, по-смертно ставший «популярнейшей фигурой Крестового похода и идеалом рыцаря-крестоносца» (стр. 132), превратился в немецкого героя (стр. 133 сл.).

Кнох тщательно прослеживает пути трансформации мифа о Готфриде, доказывая, что хотя версия о деяниях Готфрида, приводимая в «Иерусалимской истории», строится на подлинных фактах, к которым он, герцог, был причастен, однако хронист перерабатывает соответствующие факты в духе своей концепции. При всей неспоримости главных положений рецензируемой книги относительно исходных установок Альберта Аахенского несомненно, что понимание автором некоторых принципиальных вопросов темы отчасти отражает модные в современной западной медиевистике модернизаторские воззрения на крестовые походы, отчасти же — конфессиональные симпатии ученого. Этим объясняются его поверхностные старания связать с событиями почти тысячелетней давности истоки пресловутого «европейского единства» (стр. 6), заведомое преувеличение сплоченности «западного христианства» в Крестовом походе (стр. 98) и т. п. Далека от истины и его оценка папской программы «священной войны» на Востоке как «освободительной», проникнутой идеалами христианской любви и бескорыстия. С явно предвзятых позиций историк ставит под сомнение уцелевшие хронографические варианты речи Урбана II в Клермоне: они якобы соответствуют уже позднейшему пониманию этих войн, когда рыцарство замятало идеальные устремления церкви своими завоевательными действиями, а хронисты начала XII в. приписали все это папе (стр. 136 и примеч. к ней). Все эти рассуждения Кноха вносят ощутимый диссонанс в реалистическую картину, нарисованную в его книге.

В заключение несколько частных критических соображений. Местами библиография отличается неполнотой: отсутствуют ссылки на работы П. Русса, на труды советских византистов об «Алексиаде» Анны Комниной. Подчас хроника цитируется по очень старым изданиям и переводам (Ж. П. Минь, Фр. Шиллер); Кноху неизвестно вышедшее в ГДР в 1960 г. издание и перевод хроники Оттона Фрейзингенского, который цитируется по изданию 1912 г.

Встречаются отдельные неточности. Анонимный автор хроники «Деяния франков» только до взятия Антиохии находился в ополчении Боэмунда Тарентского, после чего перешел к французам (стр. 92). Бельгийский историк Glaesener назван Gaesener'ом (стр. 72) и т. д.

Систематическое и доказательно осуществленное Кнохом разграничение достоверного материала хроники Альберта Аахенского от недостоверного свидетельствует, что историк выступает продолжателем лучших исследовательских традиций немецкой науки XIX в.⁶ Вместе с тем даваемая им в строгом соответствии с фактами характеристика идейного содержания «Иерусалимской истории», объективное выявление ее протемецкой ориентации и в связи с этим тщательное определение методов освещения Альбертом исторических событий знаменуют собой новую, более высокую сравнительно с достигнутой в XIX в. ступень исследования хронографии Крестовых походов. Труд Кноха несомненно способствует лучшему пониманию Албертовой хроники, оставшейся до настоящего времени полузагадочным памятником среди других нарративных источников Первого Крестового похода.

М. А. Заборов

⁶ Примечательно в этой связи острокритичное отношение Кноха к сочинению ультрареакционного историка Г. Хагшпиля (Цюрих, 1963); трактующего проблему «вождизма в крестовом походе» с «антропологических» позиций (стр. 126, примеч. 1).